

В. Ф. ТИТОВ

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ХОСЕ ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА

§ 1. Поиск новой философии

Одной из основных функций философии, начиная с Нового времени, являются предвидение, предвосхищение и прогнозирование различных сторон духовной жизни общества. Еще О. Конт сказал, имея в виду всю систему человеческих знаний, что смысл знаний в предвидении, а смысл предвидения в обеспечении действия.

Одним из философов первой половины XX века, в творчестве которого проявились элементы философской футурологии, чьи социальные прогнозы и философские экстраполяции спустя десятилетия получают все большее подтверждение, является испанский мыслитель Хосе Ортега-и-Гассет (1882-1955).

Многие десятилетия имя этого мыслителя не было известно порой даже тем, кто профессионально занимался философией. В последние годы покров таинственности над творчеством Ортеги был немного приоткрыт. Этому способствовала публикация на русском языке некоторых ортегианских работ и исследовательских материалов о его творчестве¹. Тем не менее следует признать, что нужны усилия еще многих исследователей, чтобы ознакомиться с выдвинутыми им идеями, понять их значение и посмотреть, как они

¹ Хосе Ортега-и-Гассет. Восстание масс//Вопросы философии. 1989. № 3-4. В 1991 г. издательство «Наука» опубликовало ряд работ испанского мыслителя под общим названием «Что такое философия?», куда вошли такие произведения, как: «Тема нашего времени», «Что такое философия?», «Положение науки и исторический разум», «Возникновение философии» (Послесловие к работе Х. Маркеса «История философии»), «Идея начала у Лейбница и эволюция дедуктивной теории», «Нищета и блеск перевода». Исследования об Ортеге: А. М. Руткевич. Социальная философия мадридской школы. М.: Издательство Московского университета, 1981; А. Б. Зыкова. Хосе Ортега-и-Гассет: поиски новой философии. В кн.: Хосе Ортега-и-Гассет. Что такое философия?; Журавлев О. В. Испанская философия XVIII–XX вв. Этапы становления и логика развития: Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. СПб., 1993.

себя проявляют в условиях постиндустриального и информационного обществ. Речь пойдет прежде всего о разработке идей о сущности философии, ее месте и роли в общественной жизни и задачах, которые стоят перед нею, а также о проблемах массовой культуры ее роли в жизни отдельного человека и общества в целом о сущности человеческой индивидуальности и толпы порой обозначаемой Ортегой как «человек-масса».

Чтобы рассматриваемые проблемы были более понятны, необходимо сказать несколько слов о фундаментальных основах ортегианской философии в том, что касается затронутых вопросов.

Прежде всего следует отметить, что вслед за своим предшественником – немецким философом О. Шпенглером Ортега констатирует кризис современной цивилизации и в частности европейского общества. Это он объясняет главным образом технизацией всех сторон общественной жизни, которая отчуждает человека от его человеческой сущности и распространяется на все сферы человеческой деятельности. В связи с изменением условий человеческого существования меняются статус и назначение философии. Именно в этом ракурсе надо рассматривать идею Ортеги о необходимости пересмотра прежних философских воззрений и создания новой системы философских взглядов. По мнению Ортеги, каждое новое философское учение начинается с того, что выявляет заблуждения предшествовавшего или предшествовавших учений, становясь благодаря этому уже другой философией. Однако такое выявление было бы лишено всякого смысла, если бы каждое новое учение не стремилось хотя бы формально, хотя бы в одном из своих проявлений преодолеть прежние заблуждения. Это должно вызвать у исследователей озарение, которое приводит к открытию нового аспекта в понимании прошлого, как инструмент познания истины. «Каждое философское учение, – пишет Ортега, – используя недостатки предыдущих, рождается в полной уверенности сразу в том, что по крайней мере этих ошибок оно не допустит»².

Одной из тем, постоянно находившихся в центре внимания Ортеги, являлась философия – ее сущность, роль в познании мира, человека, наконец ее история. Именно этим проблемам посвящены многие его труды.

² Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? С. 215.

Известно, что в последние годы на страницах отечественных и зарубежных журналов широко дискутировалась тема о том, что философия находится в кризисном состоянии, а ее сущность и назначение нуждаются в серьезном переосмыслении. Справедливости ради надо отметить, что с момента своего возникновения и до настоящего времени эти проблемы периодически становились предметом дискуссий, в результате чего одни философские истины отвергались, а другие утверждались. Достаточно в этой связи вспомнить такие имена, как Ф. Бэкон, Р. Декарт, Г. В. Ф. Гегель, и то новое, что они внесли в философию.

Ортега еще в начале нашего века был в числе тех философов, которые обратили внимание на кризис предшествующей философии и выдвинули задачу создания новой философии. Посмотрим, из чего исходит испанский мыслитель, ставя проблему о кризисе философии, и какие пути он предлагает для ее решения.

Однако, прежде чем излагать взгляды Ортеги по этому вопросу, Впрочем, как и по всем остальным, следует напомнить, что испанский мыслитель в целом стоит на позициях экзистенциализма, и, следовательно, в его взглядах по данному вопросу, как, Впрочем, и по другим, отсутствует последовательный логический анализ. Другими словами, для его философских суждений порой характерны декларированность, логическая непоследовательность, а иногда и противоречивость.

Главный недостаток предшествующей философии, и в частности философии Нового времени, Ортега видит в ее отрыве от реальной жизни, в анализе сущности и бытия человека в неестественной для него среде. Предшествующая философия характеризуется им как утопическая и в чем-то примитивная. Ее утопизм заключался в том, что каждый философ, создавая свою систему или разрабатывая отдельные идеи, придавал им абсолютное значение, приписывал им всеобщую значимость. Примитивизм философии – а в ортегианском значении это означает схематизм, упрощение – проявлялся в попытке философов придать своему субъективному видению мира или событий объективный характер. «Ясный и простой схематизм, – пишет Ортега, – чистосердечность иллюзий (вера в открытие всей полноты истины), та уверенность, с которой утверждаются формулы, полагаемые непоколебимыми, все это производит впе-

чатление завершенного, определенного, окончательного мирка, в котором уже нет проблем – все в нем уже получило свое разрешение. Нет ничего приятнее долгих прогулок по столь ясным, столь тихим миркам. Но, вернувшись домой, мы видим, что миры этих философских учений были не истинным миром, а лишь горизонтом видения их авторов. Теми горизонтами, которые интерпретировались ими как пределы Вселенной – за ними уже ничего нет, но которые были кривыми линиями пейзажа, замыкающего перспективу их видения. Всякая философия, желающая исцелиться от этого укоренившегося примитивизма, упрямого утопизма, должна исправить данную ошибку, избежать превращения мягких линий широкого горизонта в окостеневший мир»³.

Критика Ортегой предшествующей философии не является безмянной. В фокусе его внимания среди прочих философов находятся такие гиганты мысли, как Декарт и Гегель. Признавая огромную роль Декарта и Гегеля в развитии рационалистической философии, в праве человеческого мышления на онтологическое самостоятельное существование, Ортега тем не менее подвергает их критике за абсолютизацию рационалистического видения мира и оторванность в их системах человека от реальных условий его существования.

Характеризуя гегелевский этап в развитии философии, Ортега отмечает, что Гегель творил в тот период, когда капитализм развивался по восходящей линии и не встречал каких-либо серьезных препятствий на своем пути. Эпоха Гегеля гарантировала западно-европейской мысли такие условия, что она на какое-то время уверовала в незыблемость прогрессивного развития, неуклонное совершенствование существующего строя. Именно этим во многом объясняется оптимизм философии Гегеля, его уверенность в незыблемости исторического процесса и прогресса. Этим же можно объяснить появление гегелевской философии как своеобразного венца философского развития. Однако в новых условиях прежние истины и философский оптимизм вступают в противоречие с конкретными реальностями, а следовательно, возникает настоятельная необходимость переосмыслить прежние философские истины. Конкретизируя эту идею применительно уже к творчеству Гегеля, ис-

³ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? С. 49.

панский мыслитель предлагает критически переосмыслить знаменитое гегелевское выражение: «Все разумное – действительно, все действительное – разумно». Ход его рассуждений таков. Поскольку для Гегеля исторический процесс – как общечеловеческий, так и специфически философский – был совершенным, т. е. таким, каким и «должен был быть», то Гегель утверждает, что история «разумна». Однако, если посмотреть исторически, то совершенно ясно, что «разумность», которая, по мнению Гегеля, свойственна истории, – это «разум» не исторический, а тот, который с некоторыми вариациями был известен еще со времен Аристотеля и с тех же времен считался противоположным историчности, неизменным, «вечным». «Я считаю, – пишет Ортега, – что назрела необходимость перевернуть формулу Гегеля и сказать, что не история является «разумной», а сам разум, истинный разум является историческим. Традиционное понятие разума является абстрактным, неточным и утопическим. Но поскольку все, что существует, должно быть конкретным, то и разум, если он существует, должен быть «конкретным разумом»⁴.

«Ортега, – пишет О. В. Журавлев, – был среди тех мыслителей XX века, кто осознал раньше других пагубность научно-сциентистской «скособоченности» в развитии философии и попытался на широком культурологическом фоне осмыслить ее современную роль»⁵. Ортега ставит задачу создания такой философии, которая, не отказываясь от достижений прошедших этапов, в большей степени учитывала бы новые жизненные обстоятельства и прагматические потребности человека. Не ставя перед собой задачу изложить философскую концепцию Ортеги, укажем, что созданию новой философии он посвятил большинство своих трудов. Сущность своей новой философии Ортега выразил следующей парадигмой: «Я – есть я и мои обстоятельства». Смысл этой парадигмы заключается в том, что нельзя мыслить человеческое «Я» без окружающего его мира, или, по-ортегиански, обстоятельств, то есть того, что окружает человека. Объем понятия «обстоятельства» постоянно Ортегой изменялся и наполнялся все новым и новым содержа-

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? С. 227.

⁵ Журавлев О. В. Испанская философия XVIII–XX вв. Этапы становления и логика развития. С. 18.

нием. Вначале оно включало в себя природную среду обитания человека, затем было дополнено культурным и социальным содержанием, а в конечном итоге вобрало в себя убеждения того социального мира, в котором обитал конкретный человек. В окончательном варианте в понятие «обстоятельства» было включено широкое содержание, вобравшее в себя практически весь культурно-исторический мир человека, который, по мнению Ортеги, изначально объединен с человеком и без которого он не может существовать. Именно такой человек в его неразрывном единстве с окружающим его культурно-историческим миром и должен, согласно Ортеге, быть в центре новой философии.

Одним из факторов, предопределивших поиск Ортегой новой философии, было предощущение им того, что XX век поставит перед человеком и обществом такие проблемы, которые непосредственно будут касаться самих основ его жизни и потребуют новых методов исследования и понимания. Центральное место в будущей философии должны занимать вопросы власти в самом широком смысле слова и проблемы массовой культуры.

§ 2. О кризисе культуры на Западе

Провидческий, футурологический характер носят идеи Ортеги о кризисе культуры на Западе, куда он включает кризис государственных институтов, системы образования и духовности человека. Эти идеи были высказаны в ряде работ, но главным образом в «Восстании масс», опубликованной в 1930 году. Как свидетельствует европейская действительность завершающих лет XX столетия, некоторые из высказанных идей оказались пророческими, о чем будет сказано ниже. Есть все основания полагать, что и в XXI веке сказанное Ортегой по этому поводу не потеряет своего эвристического значения. Прежде чем анализировать идеи, высказанные в этой работе, несколько слов о ее центральном образе-понятии, каковым является «человек-масса»⁶. Если излагать коротко, то

⁶ Небезынтересно отметить, что спустя несколько десятилетий американско-немецкий мыслитель Г. Маркузе вводит в философский обиход «одномерного человека», очень похожего по своим параметрам на ортегианского «человека-массу». Философам хорошо известно, какой дискуссионный бум, а еще в большей степени даже движение «бунтующей студенческой молодежи на Западе» вызвали идеи Маркузе, в том числе и его «одномерный человек».

«человек-масса» – это всякий человек, «кто сознательно не оценивает себя в понятиях хорошо или плохо, а чувствует, характеризует себя «как все» и тем не менее не печалится от этого, а ощущает радость идентифицировать себя как все другие»⁷. «Человек-масса» не является, как это считают многие, отмечает Ортега, причиной кризиса, наоборот, он продукт, причина этого кризиса. «Человек-масса» выступает в качестве яркого разоблачителя специфического культурного кризиса современного развитого западного общества, и в этом плане, по-видимому, можно говорить, что Ортега значительно продвинул вперед критический анализ бюрократическо-административного общества, начатый еще учеными франкфуртской школы.

Выяснение сущности «человека-массы» и его роли в современном обществе начинается после того, как Ортега делает попытку определить ту силу, которая бы действительно выражала и детерминировала духовную жизнь западного общества. Уже на первых порах он встречается с серьезными трудностями. С одной стороны, проблема вроде бы ясна, но вот что определяет сущность современной культурной жизни, видно далеко не сразу. В конце концов Ортега приходит к выводу, что явления «восстание масс» и «человек-масса» возникли параллельно с резким улучшением условий жизни людей. Одновременно с этим «восстание масс» является свидетельством радикальной деморализации западного общества. Как стала возможной эта, на первый взгляд, парадоксальная ситуация? Еще в своей работе «Тема нашего времени» Ортега говорит, что человек не знает, под какой звездой он хочет жить. И эта проблема со всей ясностью проявляется в наше время.

Современное западное общество имеет все необходимые предпосылки и условия для нормальной благополучной жизни, но не всегда ясно, как эти идеи конкретный человек и люди вообще могут реализовать в конкретной жизни. Человек повелевает многими, практически всеми вещами, которые его окружают, но не может управлять самим собой. Нечто странное происходит и во взаимоотношениях между людьми. Несмотря на колоссальные успехи в области науки и техники, общество, по мнению Ортеги, находится в кризисном состоянии. Происходит процесс радикальной дезориен-

⁷ Jose Ortega y Gasset. Obras completas. Tomo IV. Madrid, 1938. P. 148.

тации жизни, что в свою очередь самым негативным образом влияет на культуру общества, упрощает отношения между людьми. Именно этот фактор определяет «сущность «человека-массы», то есть человека, живущего без цели. Поэтому он ничего не создает, хотя его возможности и силы являются огромными»⁸. Ортега не раскрывает, почему человек не имеет цели в своей жизни, и даже не дает однозначной оценки этому явлению. Он просто констатирует это положение в качестве своеобразной парадигмы бытия «человека-массы». Правда, одну из причин такого состояния, которая порой становится основной, он все-таки называет. Ею у него выступает правящая элита, которая занимает обособленное место в обществе и отказывается выполнять возложенную на нее миссию. В итоге в обществе возникает ситуация, когда «масса» (под «массой» подразумевается человеческая толпа. – *В. Т.*) отказывается быть управляемой, считая, что обеспечит себя сама. Элита, чьим призванием является управление обществом, живет ради самой себя и не хочет занимать место руководителя⁹. Такое положение и подобные формы управления этих социальных групп, не находящих точек соприкосновения и выполнения присущих им социальных функций, ведет к кризису культуры на Западе. Далее Ортега указывает, что кризис культуры возник не сам по себе. В известной степени он является косвенным результатом общего кризиса буржуазного мышления, особенно в том, что касается анализа реальной действительности. Подобная ситуация стала возможной в силу того, что современная культура лишилась своих жизненных, или, по ортегиански, «витальных», основ. Произошло же это в силу того, что с утверждением в обществе культа рационализма прежние формы культуры перестали соответствовать новому уровню человеческих взаимоотношений, а новых, отвечающих духу времени, рационализм не создал. С другой стороны, «человек-масса» для Ортеги является закономерным результатом развития европейской цивилизации в XX веке. Его убежденность в этом не вызывает сомнения и подтверждается такими словами: «Триумф масс и соответствующий значительный подъем жизненного уровня произошел в Европе в силу внутренних причин и в частности благодаря двухсотлетнему про-

⁸ Jose Ortega y Gasset. Obras completas. Tomo IV. P. 172.

⁹ Ibid., p. 722.

грессивному образованию людей и параллельно шедшему экономическому обогащению общества»¹⁰. Конкретными виновниками современного кризиса являются либеральная демократия и высокий уровень развития техники. Вина либеральной демократии заключается в признании политических свобод и беспрепятственного участия людей в общественной жизни. Развитие и совершенствование техники способствовали неимоверному усилению мощи человека и формированию у него сознания о всемогуществе его власти и возможности влиять на происходящие события. Ни один из этих факторов не имел места в XIX веке. Все они возникли значительно раньше, то есть в предшествующие два столетия. «Три фактора, – пишет Ортега, – сделали возможным этот новый мир: либеральная демократия, научные исследования и индустриализация. Два последних можно объединить в один – это техника. Ни один из этих факторов не был создан в XIX веке. Свое происхождение они ведут от двух предыдущих столетий. Заслуга XIX века заключается не в их изобретении, а в их внедрении»¹¹. Такой подход позволяет отыскать истинную причину современного состояния культуры, каковым является чистый разум, расцветший и утвердившийся в философии в предыдущие столетия. Прямо скажем, что несмотря на постоянное внимание к этой теме и значительное число публикаций, посвященных ее изучению, полной ясности в понимании этой проблемы нет. С одной стороны, получается, что поведение, общественно-политическая деятельность «человека-массы» самым непосредственным образом влияют на создание кризисной ситуации в культуре, а с другой – он является производным от этой культуры и разделяет ее судьбу. В первом случае «человек-масса» характеризуется как «вертикальный варвар», использующий в полной мере права и привилегии, предоставляемые ему обществом, но не прилагающий никаких усилий для их обновления. Это означает, что человек, доминирующий в обществе, по своей сущности является примитивным «натурменшем», появившимся в среде цивилизованного мира. Как это ни парадоксально, но тогда «человек-масса» является патологическим результатом культурного фетишизма и природного варварства, так как безумно любит культурную среду, без

¹⁰ Jose Ortega y Gasset. Obras completas. Tomo IV. P. 154.

¹¹ Ibid., p. 177.

которой не может существовать, и одновременно использует ее для спонтанного удовлетворения своих желаний и инстинктов. В действительности же его «не интересуют фундаментальные ценности культуры»¹². По существу, у «человека-массы» отсутствует чувство культуры, так как нет культуры там, где нет сознательного понимания среды и тех норм, которыми руководствуется общество. Получается, что существованию «человека-массы» не хватает легитимности в той мере, в какой степени его свобода в культурном плане не имеет веса. Неучастие в культурной жизни в материально-предметном выражении означает неспособность поддержать и управлять человеческой цивилизацией. В этом плане Ортега не согласен со Шпенглером, утверждавшим, что человеческая цивилизация может пережить по инерции ту культуру, которая ее породила. «Я не могу позволить себе верить в это, – пишет Ортега, – так как техника в своей сущности – это наука, а наука не может существовать, если не проявляется заинтересованность в своей чистоте, а такого интереса может не быть, если люди не будут продолжать оставаться под вдохновением общих принципов культуры»¹³. В результате этого «человек-масса» не может управлять и контролировать цивилизацию, в которой он живет. Поддерживание и сохранение современной цивилизации в свете сказанного требует каждый раз все большей научной подготовки и исторического сознания. Использование своей силы требует более глубокого этического чувства, но отсутствие культурного сознания обрекает «человека-массу» быть жертвой своих дел и в конце концов оказаться уничтоженным ими. Нет никакого сомнения, что такое варварское поведение предполагает постоянный кризис европейской культуры. В этих условиях либеральная демократия протитует в отношениях с «восстанием масс», и эту ситуацию Ортега жестко критикует, обозначая ее как «большую демократию»¹⁴, существеннейшими чертами которой являются нивелирование различий и качеств между людьми, технизация и автоматизация отношений между людьми в ущерб человеческой экзистенции.

¹² Jose Ortega y Gasset. Obras completas. Tomo IV. P. 202.

¹³ Ibid., p. 197.

¹⁴ Jose Ortega y Gasset. Obras completas. Tomo IV. P. 139.

Но это только одна из сторон исследуемой проблемы. Если проанализировать, как шел процесс формирования этого человека, то окажется, что его появление и последующее существование – это закономерный исторический результат внутреннего развития Запада. «Все, что происходит, – замечает Ортега, – является следствием или результатом этой радикальной структуры, которую можно было бы резюмировать так: мир, возникший в XIX веке, автоматически создав нового человека, заложил в него огромные желания, могущественные средства различного типа, чтобы удовлетворить их, – экономические, физические, социальные, научно-технические. После наделения его такими потенциями XIX век оставил его с самим собой. В результате этой ситуации посредственный человек, следуя своим естественным потребностям, замкнулся в самом себе»¹⁵. Если это забвение человека понимать как необходимое следствие радикального устройства XIX века, то есть его культуры в самом широком значении этого слова, нужно было бы допустить, что современный рационализм со своими мифами прогрессивных учений и индустриализма, со своей верой в бесконечную власть разума способствовал формированию у посредственного человека такой оперативной самодостаточности, что он без специальных усилий со своей стороны превратился в суперчеловека и герметически закрылся в самом себе. В конечном итоге «человек-масса» – это гибрид, в котором сфокусированы нормальный посредственный человек и благородный бесстрашный человек. Можно сказать, что все фибры «человека-массы» обволакивают благородное псевдосознание, и именно по этой причине оно не может востребоваться. Это псевдосознание, как всякое ложное сознание, является в действительности идеологией. Речь идет о рационализме как абсолютной идеологии и анонимной власти, которая появляется всегда, когда в ней возникает нужда, и которая не имеет большей веры в свой разум, чем результативность, с помощью которой она достигает любого решения и доказывает всякое данное обещание. Естественно, что в данном случае рационализм выступает не как философия, а как популярная вера в разум, которая присутствует в каждом человеке в качестве естественного стремления «иметь разум» без соответствующего требования быть самому на

¹⁵ Ibid., p. 184.

соответствующей интеллектуальной высоте. Человек с улицы предлагает свои соображения без того, чтобы подвергнуть их критическому анализу или другой гарантии – анонимному свидетельству его существования. Чтобы иметь основания для существования, разум не обязательно приводит доказательства своего бытия. Для этого достаточно убедить власть в том, что установившееся в обществе господство разума непрерывно и неустанно воспроизводится и подобная ситуация не требует радикальных изменений. Империализм (этим словом Ортега обозначает всевластие. – В. Т.) западного мышления, повсеместно утвердившийся в вульгарной вере в разум, дегенерирует в процессе апологетики таких действий, которые тем более являются разумными, чем эффективнее и организованнее в методическом плане они выступают. Результативность, таким образом, превращается в новый критерий очевидности. Публичная оценка выступает как ценность в самой себе того, что торжествует на рынке вещей или явлений, с успехом или славой. С подобной идеологией, а именно она овладевает человеческой толпой, тем более трудно бороться и разоблачать ее, так как она каждодневно усиливает свои позиции благодаря способности подтверждать свои гипотезы и исключать всякую другую точку зрения. Комбинация нездоровой демократии и техническое суевение приводят к тому, что любое другое высказанное мнение вызывает у человеческой толпы ненависть по мере того, как оно стремится быть отличным от общепринятого, а посему оно осуждается местной властью с помощью масс-медиа. Важно также отметить, что Ортега этим и другими рассуждениями о природе и функциях государственной власти предвосхищает образ административного общества, в котором научная специализация, бюрократизация общественной жизни и автономизация человеческого существования закупорили источники всякой оригинальности и нововведений. В этой ситуации «масса» восстает, поскольку считает себя обладательницей исключительной власти, впервые ставшей ее достоянием. Выдвигая эту идею, Ортега по существу не замечает, что «восстание масс» является тем же самым, что и восстание научно-технического разума против любой другой инстанции, и ее заявка на полную власть, доступную всем, не является чем-то новым. По существу, Ортега не может ясно установить связь между рациона-

лизмом как философией и рационализмом как популярной идеологией с точки зрения своей концепции всевластия или воли к власти. В конце концов он приходит к мнению, что «восстание масс» реализуется против и за счет благородного и избранного меньшинства в силу неотесанности и непокорности «человека-массы», забывая на какой-то момент, что самое меньшинство, или элита, в первую очередь должна изменить свое поведение, как он об этом неоднократно заявлял в своем труде «Реформа интеллигенции». В итоге получается, что «человек-масса» является чистым потребителем социальных привилегий и отрицает свое подчинение любым общественным правилам, поскольку сама западная культура потеряла всякие нормы человеческого общежития, достойные уважения. Чтобы преодолеть этот кризис, Ортега призывает интеллектуалов возвратиться к участию в общественной жизни, для того чтобы с помощью новой идеологии сформировать новые принципы человеческих взаимоотношений, способные вывести Запад из кризисной ситуации. В рамках этих попыток находится идея, высказанная им во второй части «Восстания масс», что общая деморализация Запада будет преодолена, если Европа вновь возвратится в состояние духовной жизни и если будет образована могучая политическая организация под названием Соединенные штаты Европы. Разумеется, в этом новом обществе речь не должна идти о лидерстве. Совершенство в новом обществе может быть достигнуто с помощью новой модели существования. В данном случае через формирование новой политико-государственной общности европейских государств. Дезориентация «человека-массы», который не знает, какими идеалами ему надо руководствоваться, – это лишь один из примеров очень глубокой культурной дезориентации Европы, которая, руководствуясь рационалистическим проектом, оказалась без принципов, а сам принцип рационализма свелся к инструментальной методической функции достижения результатов. Европейский кризис культуры, естественно, не обошел стороной Испанию. Прежде всего он проявляется, по мнению Ортеги, в том, что в Испании нет единого народа. В стране параллельно сосуществуют две Испании и два народа, хотя они живут вместе в одном государстве. Подобная ситуация стала возможной в силу того, что господствующие интеллектуальные силы испанского общества изолировались от

простого народа и, по существу, утратили взаимный интерес и влияние друг на друга. На государственном уровне это проявляется в том, что политические институты – парламент, университет, газеты – стоят очень далеко от настоящей жизни народа и в основном ориентируют его на старые духовные ценности. Новая же Испания, искренняя и честная, хотя исповедует новые принципы и при соответствующих условиях могла бы вдохнуть свежую струю в культуру страны, не обладает для этого необходимой силой.

Ситуация, при которой в стране как бы существуют «две Испании», возникла не сама по себе, а из-за того, что в стране уже длительное время существуют два института – монархия и церковь, которые на протяжении многих веков выдавали себя за выразителей народных интересов, но которые в действительности таковыми не являются. Именно в силу существования такой политической системы и проводимой ею политики в Испании произошло не единение, а разделение народа. Ортега был решительным противником монархии. Когда король Испании Альфонс XIII под воздействием демократического движения в 1931 году покинул Испанию, Ортега вместе с другими интеллектуалами горячо приветствует это событие и активно включается в бурную политическую жизнь – становится депутатом Кортесов, то есть испанского парламента!

Отмечая кризис культуры в Испании, Ортега, как, впрочем, во многих других случаях, когда речь идет о путях решения проблемы или же, как в данном случае, выхода из кризиса, концептуального решения данной проблемы по существу не предлагает. «Человек-масса» в условиях Испании, считает Ортега, может преодолеть кризис, в котором он находится, путем европеизации, установления в стране республиканской формы правления. Под европеизацией своей страны Ортега понимает в первую очередь возведение, установление культурных стандартов, общих для всех европейских государств, через, как уже отмечалось раньше, образование Соединенных штатов Европы и при сохранении существующих национальных государств. Важнейшим элементом европеизации у него выступает наука, и в первую очередь гуманитарная, развитие и распространение которой должно сыграть решающую роль в этом процессе.

§ 3. Роль элиты в историческом процессе

Значительное внимание в своих работах Ортега уделяет анализу общественного развития. Он считает, что одной из фундаментальных проблем философии истории является выделение движущих сил общественного развития. Существующие подходы, в частности индивидуалистский, в соответствии с которым история делалась отдельными личностями (королями, полководцами, народными героями), и коллективистский, объясняющий историческое развитие деятельностью народных масс, содержат, по его мнению, в себе часть правды, но поскольку каждая из них напрочь отрицает другую точку зрения, то можно сказать, что в конечном счете они являются ложными.

Опираясь на идеи итальянского социолога Вильфредо Парето, Ортега пытается преодолеть эти концепции и объяснить историческое развитие деятельностью аристократического меньшинства, то есть элиты. Он считает, что всякое общество содержит в себе такую функциональную структуру, в которой наиболее энергичные люди воздействуют на остальных людей и ведут их за собой. Разумеется, это происходит потому, что они, то есть элита и масса, обладают определенной однородностью, которая, кстати, отличает их друг от друга. Элита, а не отдельный гений или герой, воздействуя на массу, улучшает ее природу и двигает историю вперед. «Вне всякого сомнения, – пишет Ортега, – чтобы улучшить средний тип человека, должно существовать выдающееся, высшее меньшинство, которое благодаря своей заразительности, образцовости ведет менее способные массы к высокой цели»¹⁶.

Деятельность элиты и массы можно представить как два состояния: образцовости и послушания. Функция первой заключается в том, чтобы служить идеалом, примером, путеводителем; массе же предназначено послушно следовать образцовому меньшинству. Выдающиеся качества у элиты являются результатом самой жизни, которая в свою очередь определяется антропологическими факторами. Это положение объясняется следующим образом. Человек живет в силу необходимости, но форма, способ жизни ему не даны изначально, он их делает сам. В этом смысле человек свободен, и

¹⁶ Jose Ortega y Gasset. La rendicion de Las provincias. T. XI. P. 198.

свою жизнь он делает сам. «Эта свобода выбора, – пишет Ортега, – заключается в том, что человек внутренне чувствует необходимость выбрать наиболее лучшее. Но это лучшее не является выбором, определяемым с помощью человеческого арбитража. Среди множества вещей, которые в каждый момент можно сделать или они могут быть, всегда имеется одна, которая нам представляется как та, которую нужно выбрать или которая может быть. В конечном счете с необходимостью оказывается, что это и есть самое лучшее. Наша свобода быть этим или другим не освобождает нас от необходимости, а как раз наоборот, соединяет с нею»¹⁷. Именно с учетом такого подхода надо понимать утверждение Ортеги о том, что у человека нет природы, а есть история. Человек не живет по заранее заданной схеме, не имеет детерминированного заранее бытия. Жить – означает делать в каждый момент то, что необходимо для настоящего и последующего. Естественно, что в этой ситуации можно выбрать или хорошее, или плохое. Аристократы демонстрируют образцовую жизнь, дают примеры для подражания, и эта образцовость является их главной функцией. В обществе одни люди творят, другие им подражают, следуют за ними. Общественная жизнь требует существования «достаточно способного меньшинства, чтобы организовывать, идейно вдохновлять и направлять другую часть общества, которая в свою очередь должна быть способна решать возложенные на нее проблемы и обладать чувством высшей ответственности»¹⁸. Любой народ, если он не имеет элиты, не сможет самореализоваться. Образцовость одних и покорность других объясняются огромными различиями в витальной и моральной жизненности между меньшинством, с одной стороны, и массой, с другой, которые проявляются в каждом обществе. Если народ – это стихия и покорность, то аристократия – это дисциплина и власть. Толпа к тому же обладает свойством к деградации. Свое понимание содержания понятия покорность Ортега выражает так: «Считается, что общество делится на тех, кто управляет, и тех, кто подчиняется. Однако это подчинение не может быть, пожалуй, постоянным и нормальным, если подчиняющийся не получит в интимной форме от того, кто командует, право на командование. Вы-

¹⁷ Jose Ortega y Gasset. Prologo para alemanes. T. VIII. P. 28.

¹⁸ Jose Ortega y Gasset. Escritos politicos. T. XI. P. 90.

дающийся человек благодаря своему совершенству получает от народной толпы определенную социальную власть. Когда этот человек умирает, его общественный авторитет остается как социальный фактор в своей безличной форме, которую впоследствии другие индивидуальности смогут занять, имея или не имея на это необходимые достоинства. В конце концов престиж власти сохраняется до тех пор, пока не исчезает память о тех людях, которые ее осуществляли»¹⁹.

Одним из важнейших функциональных свойств избранного меньшинства является формирование в обществе социальных норм поведения, общественных законов. Всякая жизнь, в том числе общественная, предполагает существование иерархической структуры, и элита занимает в ней высшую ступеньку. Существование образцовости, примерности является необходимым социальным механизмом совершенствования общественной жизни. Следовать и подчиняться лучшему означает и самому совершенствоваться и улучшаться. Идя по дороге подражания лучшему, совершенствуется человеческая душа, которая не замыкается в самой себе, самосовершенствуется человек и развивается общество.

Принципиальными причинами исторической декаденции общественной жизни являются упадок, разложение аристократии или же восстание масс, недовольных своим общественным положением. Предметно это означает, что избранное меньшинство теряет свое образцовое поведение в обществе, свои высокие качества, а массы перестают выполнять функции подчинения, которые в них заложены природой. Избранное меньшинство, или элита, – это не находящиеся у власти люди. Это те, кто, обладая какой-то частью власти или вовсе ее не имея, могут оказывать влияние на массы. Там, где нет духовно господствующей элиты и подчиняющейся массы, там нет общества.

Ортега последовательно проводит мысль о том, что влияние избранного меньшинства на общественную жизнь вовсе не означает овладение ими политической властью. Как раз наоборот. Элита никогда не может завоевать эту власть, если она находится в меньшинстве. Чтобы это произошло, она должна превратиться в большинство, так как в политике побеждает тот, кто овладевает об-

¹⁹ Jose Ortega y Gasset. Espana invertibrada. T. III. P. 96.

ществственным мнением и подчиняет его своему влиянию. Элита в политическом плане никогда не может подчинить своему влиянию большинство и, следовательно, управлять государством. Дело в том, что всегда, когда ее идеи овладевают умами большинства граждан, эта старая элита самоотрицается, и в обществе формируется новое избранное меньшинство, которое ставит и выдвигает более высокие цели и задачи. Когда же меньшинство все же приходит к власти и начинает управлять государством, то это становится трагедией для общества, поскольку меньшинство силой навязывает свои идеи большинству, что в конечном счете оборачивается для общества большой бедой. Подобная ситуация произошла в тех странах, где к власти пришел фашизм.

Фундаментальное различие между политиками и избранным меньшинством заключается, по мнению Ортеги, в следующем. Политики стремятся сформулировать свою программу общественной деятельности таким образом, чтобы она совпадала с идеями, чувствами, желаниями общественного сознания и мнения. Поэтому политик всегда должен стремиться к совпадению своего мнения с тем, которое преобладает в обществе. Именно следуя этому пути, политики могут завоевывать голоса избирателей и прийти к власти.

Совсем по-другому можно характеризовать деятельность элиты. Прежде всего, как отмечалось раньше, она не стремится к завоеванию политической власти, а стремится своей образцовой деятельностью оказать влияние на общество с целью его совершенствования, и в этом смысле ее деятельность носит не столько политический, сколько социальный характер.

Не обходит своим вниманием Ортега вопрос о том, каким должно быть совершенное общество. Решает он его достаточно просто и в полном соответствии со своей философской парадигмой. Черты идеального общества содержатся в реально существующем государстве. Этим идеалом, как реальностью, так и целью, являются аристократизация и внутреннее совершенство общества. Для того чтобы общество могло приобрести ту или иную форму, оно прежде всего должно реально существовать. По мере того, как оно будет аристократизироваться, оно все больше будет совершенствоваться. Общество, страдающее отсутствием аристократизма, по мнению Ортеги, является дефектным, ущербным, дегенеративным

образованием, имеющим тенденцию к потере своей социальной сущности. Хотим мы того или не хотим, как бы подытоживая свои рассуждения, отмечает Ортега, но общество, для того чтобы существовать и нормально развиваться, должно обладать аристократизмом, или, если сказать по-другому, высоким уровнем духовной жизни.

Учение Ортеги об избранном меньшинстве, под которым подразумевается наиболее образованная и подготовленная часть общества, ее влияние на социальную жизнь, причем влияние не через властные структуры, а с помощью идей и авторитета, вне всякого сомнения, будет представлять все больший интерес для изучающих социально-философские проблемы общественной жизни, в том числе разработчиков и последователей концепции устойчивого развития, которая в последнее время получает все большее распространение среди ученых-гуманитариев.